

- Эй, ребята, идите сюда! – послышался громкий приветливый голос около котлов.

Я, уже начавший было от стеснения ощущать себя лишним, сразу воодушевился. До этого, за исключением Треххвостого, никто здесь не проявлял к нам интереса. Я радостно ускорил шаг.

- Наверное, голодные? Не ели от самой стены?

Голос принадлежал коренастому дядьке с длинными черными волосами, собранными в хвостик, небольшой бородкой и широкой желтозубой улыбкой. Мне показалось, что его я тоже видел на рисунках Тошука. Но и помимо рисунков, мне не раз приходилось встречать такой типаж в своей туристской жизни. Это был вылитый походный лидер – бодрый, веселый, увлекающий за собой с первых слов. Он вмиг снял все сомнения, задвинул подальше стеснительность и одним взглядом показал, что мы тут очень нужны.

- У меня осталось немного каши с обеда, будете? – И, поняв по нашим глазам, что, конечно же будем, повар (очевидно, он исправлял именно эту должность) тут же извлек откуда-то три маленькие миски. Затем он отошел в глубину кухни, забренчал утварью и вскоре вернулся, неся в руках котелок с какой-то буро-зеленой субстанцией. – Увы, немного остыла. Вот если бы вы пришли чуть пораньше! – приговаривал он, быстро раскладывая вязкую массу по мискам и втыкая в каждую ложку. – Зато чай горячий!

И в чашки из черпака полилась дымящаяся жидкость зеленоватого цвета, судя по всему – травяной чай.

- Я Хоб, - представился он, дождавшись, пока мы втроем рассядемся на бревнах и зачерпнем по первой ложке. – Ваши товарищи, наверное, пока не столь голодны, раз не спешат к котлу. Впрочем, в случае чего перекусят яблоками.

Хоб, ну конечно! Так и есть – он был изображен на том рисунке. Вроде бы он был одновременно поваром и старостой. Хотя у Тошука, кажется, было нарисовано другое стойбище. Впрочем, неважно – они же все время перемещаются... Но что это он положил нам? Стараясь не выдавать растерянности при виде содержимого моей ложки, я быстро сунул ее в рот. Как ни странно, масса была довольно вкусна (или это я очень хотел есть?), но я совершенно не мог идентифицировать этот вкус. Это было не мясо, не рыба, не гречневая каша и не пшено, а что-то среднее между всем перечисленным. К тому же улавливались ноты, если можно так выразиться, просто мягкого теста. И, судя по цвету, в рецепте присутствовало много свежей зелени. Но она была измельчена до однородного состояния, как и все остальные ингредиенты. Несмотря на густоту, масса жевалась и проглатывалась очень легко – особенно при помощи травяного чая, который имел вполне привычный вкус. Хоб положил нам не так уж много – я уже было начал готовиться к ожидающим меня лишениям, коль скоро тут такие маленькие нормы питания – однако уже на третьей ложке ощутил сытость! Начав есть жадно, заканчивал я уже медленно, зачерпывая на краешек ложки, как гламурные дамы, опасющиеся потолстеть.

- Здорово! – одобрил Ержи, жуя и запивая из чашки. – Из чего это сделано?

- Из всего, - усмехнулся Хоб. – Впрочем, конечно, не из всего сразу.

- Из всего, мелко-мелко перемешанного в миксере? – в шутку сказал Ержи и с уважением посмотрел на предполагаемый «миксер» - жилистую, мускулистую руку Хоба.

- Можно сказать и так.

- Уверен, что узнай наши маркетологи рецепт, тут же бы выпустили это в вакуумной упаковке под маркой «Экологически чистый продукт из Сабинянии» - поддакнул Марино.

- Маркетологам редко приходит в голову, что все традиционное и экологически чистое – лишь побочное следствие нехватки ресурсов, - улыбнулся Хоб, что-то интенсивно помешивая в маленьком котелке.

Мы удивленно переглянулись. Хоб поднял глаза и, заметив нашу реакцию, спросил:

- Э-э, я что-то не так сказал? Мне казалось, у вас, за стеной, в таких случаях принято говорить что-то в этом роде. Пошутить на тему общества потребления, вернуть что-нибудь из популярной соцфилософии. Или нет? – И он снова заулыбался.

- Вот черт, - вырвалось у Ержи. – Мы уже почти отвыкли удивляться местным сентенциям, но вы таки сумели нас удивить.

- Пожалуй, мы не ожидали от сабинян такого обобщения самих себя, - поспешил я добавить.

- В столь антитрадиционном постмодернистском духе, - вставил Марино.

- А, вот вы о чем, - сообразил Хоб. – Что ж, это как нравится, могу и по-другому!

- Да нет уж, давайте лучше так, - сказал я, все более и более раскрепощаясь. – Мы вроде как были готовы к тому, что вы все-все знаете о нашей цивилизации, но получается, что все же видели в вас простодушных туземцев. Извините, если что...

Хоб шутливо кивнул.

- ...но туземцы, которые способны смотреть на себя как бы глазами цивилизованного человека, и при этом все равно оставаться верными своим вигвамам, стрелам и тяпкам – вот это воистину чудо! Причем вы же не играете в туземцев? Ведь это все – это ваше самоограничение, тяжкий труд, полное подчинение жрецам – это же всерьез? Или нет?

Я говорил намного громче и смелее обычного. Что это со мной? – удивлялся я, глядя на себя со стороны. Мелькнула мысль о связи между эмоциональным выплеском и только что съеденной кашей... Но тот я, кто осознал это, не имел никакого влияния на того, другого, который невозмутимо продолжал нести свое.

- Эй, а ведь это идея! А может, это все – такая игра? В «Таинственном лес» - вы, конечно, знаете такой фильм – спектакль разыгрывали старшие для младших. А здесь играют все для всех. И для себя!

Марино вздрогнул. Ержи ухмыльнулся, показывая взглядом, что я, пожалуй, забрал лишнего. Хоб ласково на меня посмотрел.

- Если вспомнить, что вся жизнь – игра, то, конечно, так и есть. Но у здешней игры правила довольно жесткие, - добавил он уже серьезнее, убирая с огня котел с каким-то варевом и вешая другой, с чистой водой.

Я вмиг пришел в себя. Ержи с Марино тоже встрепенулись.

- Вы имеете в виду, что.... в случае неурожая будет нечего есть? – спросил Марино.

- Конечно, - ответил Хоб, переходя к чистке картошки.

- Или, - осторожно подступился Ержи, - вы имеете в виду что-то еще?

Оба посмотрели на меня, очевидно ожидая, что я продолжу свой демарш бесшабашности. Мне совсем не хотелось продолжать, но сейчас, действительно, был хороший повод задать волнующие всех вопросы, а Хоб казался таким открытым.

- Может, вы имеете в виду, что вы тут не совсем свободны? - попытался я. - Что, э-э, над вами довлеет чья-то власть?

Хоб не реагировал. Казалось, он отвлекся на свой котел.

- Может, - продолжил я громче, - вы имели в виду, что вас могут наказать, если вы что-то не так скажете или сделаете?

Хоб достал из мешка огромный пучок какой-то сушеной травы. Отделяя по несколько стеблей за раз, он принялся по очереди закидывать их в котел.

- Давайте я задам ваш вопрос за вас, - промолвил он. - Возможно, так будет проще. Вы предполагаете, что мы тут заперты властью деспотичных жрецов, которые под страхом смерти заставляют нас работать на себя? Так?

- Более или менее, - повел пальцами Ержи.

- Интересно, зачем им это нужно? - Хоб, казалось, не шутил. Он всерьез задумался и даже ненадолго прервал засыпание травы в котел. - Угм, давайте подумаем. А, вот! Ну конечно же, они ведь хотят жить в изолированном элитном заповеднике на берегу моря, верно? Им нужно, чтобы их блаженное уединение на лоне природы никто не нарушал. Чтоб никаких там туристов с автомагнитолами и отелями. Поэтому им нужна мощная охрана, и эту охрану им обеспечиваем мы - секта частично оболваненных, частично запуганных рабов. Верно?

- Грубовато, конечно, - заметил Ержи. - Я бы сказал по-другому. Но давайте дальше.

- Сперва помогите-ка мне, - вместо продолжения распорядился Хоб. Он подошел к большому сундуку и откинул крышку. - А то надоело, должно быть, бездельничать? - хитро подмигнул он Ержи.

- О да, конечно, к вашим услугам, - виновато поднялся тот.

Мы с Марино тоже выразили готовность сделать все, что понадобится.

- Промойте вот эти клубни, и мелко порежьте их вот сюда. - Хоб пододвинул Ержи два котелка с водой и высыпал к его ногам кучу каких-то пузатых корневищ, которые извлек из сундука. - Травы - это, конечно, хорошо, но ребятам нужно и что-то питательное. - А вы, - он повернулся ко мне - почистите-ка картошку. Вот она. - Он показал на огромную корзину, доверху заполненную картофелем. - Не всю, конечно. - А вам... - он задумчиво посмотрел на Марино, - Надеюсь, вы умеете колоть дрова?

- Если честно, у меня мало опыта, - сконфузился Марино. - Мне так стыдно, право...

- Нечего стыдиться. Сейчас вы этот опыт приобретете. Вот вам топор, идите сюда. - Он поманил его к поленнице. - Главное, расставляйте пошире ноги, закидывайте топор повыше и смотрите не на него, а на полено. Вот так, так...

Понаблюдав немного за неуверенными движениями Марино, он вновь вернулся к котлам.

- У него все получится, - оптимистично заверил он нас. – Я вижу, у него отличные задатки. Итак, на чем мы остановились?

- Жители Сабинянии – стадо запуганных и оболваненных рабов, которых эксплуатируют жрецы, - напомнил Ержи, не отрываясь от клубней.

- Ага, точно. Ну и понятно, эти рабы под страхом смерти боятся сказать правду. У жрецов – всюду шпионы. Точнее, тут все за всеми следят, как в сталинском СССР. Так что отдельной функции надзирателей и не требуется.

- Очень удобно, - согласился Ержи.

- Можно не сомневаться, что ни один из нас не скажет вам правду, и не попросит о спасении, потому что мы уверены, что вы – еще одна провокация всемогущих жрецов.

- Это совершенно логично. Мы это много раз обсуждали, - сказал Ержи нарочито серьезным тоном.

- Тогда получается, что ни единому вашему слову верить нельзя, - сказал я. – И всему вышесказанному – тоже.

- Да, верно, - казалось, с грустью вздохнул Хоб. – Ну ладно, отсечем эту ветвь как тупиковую. Давайте обсудим другие детали. Зачем тогда вообще жрецам пускать сюда посторонних? Зачем эти идиотские экскурсии? Ведь нельзя исключать, что доведенные до отчаяния люди все-таки в сердцах проговорятся. – Он высыпал в большой котел какие-то семена из холщового мешка и помешал. – Вот как я сейчас, верно? – он хитро посмотрел на нас.

- Экскурсии нужны, чтобы донести до мировой общественности искаженный образ Сабинянии и обеспечить жрецам поддержку, - отозвался со своего места Марино, заноса топор над чуркой. Удар – и от полена отделилась узкая щепочка. Марино со вздохом снова поставил его на чурку. – Если бы Сабиняния была полностью закрытым концлагерем, то вражеская коалиция уже завтра напала бы на него и разнесла в щепки. – Он ударил еще раз, и полено разлетелось на две идеально ровные половинки.

- Согласен. Логично, - одобрил Хоб. – Получается, без экскурсий никак нельзя. И значит вы – настоящие.

Мы обменялись улыбками.

- Но все-таки – за счет чего жрецы держат людей в повиновении? – продолжил он. – Хорошо, пусть мы боимся попросить вас о помощи. Но ведь мы просто можем сбежать! Например, попытаться переплыть залив и уйти в нейтральные воды. Сабиняне – отличные пловцы! Точно также мы можем попробовать перелезть через стену. Периметр, конечно, охраняется, но чего только не сделаешь с отчаяния, - мечтательно рассуждал Хоб. – А еще можно было бы отправлять послания за стену голубиной почтой. Или развести ночью костер в форме букв «SOS». Словом, вариантов множество. Тем более, что мы, как вы можете убедиться, все знаем о вашей жизни. Мы знаем, что и где находится за стеной. Так что же нам мешает? – Он обвел глазами нас всех, ожидая ответа.

- Тогда выходит, что сабиняне скорее оболванены, чем запуганы, - сказал я, немного подумав. – Будь это концлагерь, из него все равно пытались бы сбежать. И мы постоянно видели бы эти

попытки. Трупы тех, кому не удалось доплыть морем, выбрасывало бы на соседние берега. В новостях бы регулярно сообщали о беглецах, вылезающих на стену, и о жестоком спецназе, который убивает их копьями. Впрочем, было бы как с Берлинской стеной. Ведь это все можно увидеть с самолетов и разведывательных дронов, которых сейчас у всех хватает. Но ничего подобного нет!

- Не забудьте и совсем конспирологическую версию, что наш так называемый цивилизованный мир – хотя бы те, кто в нем принимает решения – действует заодно с сабинянским руководством, - добавил Ержи. – Что, если им почему-то нужен этот концлагерь? Именно поэтому мы ничего не знаем о попытках к бегству, и по этой же самой причине вооруженные силы других государств почему-то не торопятся нападать на Сабинянию, хотя растоптать ее за два часа не составило бы труда.

- Эту версию тоже лучше отсечь, - возразил Хоб. – Тайный мировой заговор вокруг Сабинянии – это вещь в себе, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Это тупик. Итак, что же нам остается?

- Остается фантастическое предположение о том, что все население Сабинянии ведет такую жизнь совершенно добровольно и по идейным соображениям, - усмехнулся я. – Когда подобное писали про СССР, этому мало кто верил. Но здесь, видимо, пока ничего не остается...

В таком духе мы продолжали нашу беседу еще некоторое время. Картошка и неизвестные клубни были уже порезаны на крошечные кусочки (первая наша попытка повара не устроила, и он велел порезать еще мельче) и варились в котле. Затем под пристальным наблюдением Хоба мы высыпали туда из мешочков несколько сортов семян и сушеных трав. Хоб самолично мелко искромсал рыбу - которую, видимо, днем привезли с нашим обозом. Превратившись в почти гомогенную массу, она была размешана с кашей. Часть ингредиентов, которым еще предстояло соединиться с нашим ужином, варилась и булькала в котелках поменьше. Я заметил, что для режима выживания здесь тратится довольно много кулинарных усилий. Я-то предполагал, что все ограничится закидыванием в котел чищенной картошки. Впрочем, все сырье было самым что ни на есть простым. Какие-то травы, неизвестные злаки (впрочем, к стыду моему, я не знал, как выглядят даже самые известные злаки). Неужели в них и таится секрет необычной питательности каши? Я обратил внимание, что объем еды, который готовился на ужин, был не очень большим (если рассчитывать на всех тех людей, чьи головы и спины виднелись на огородах в лучах закатного солнца). Значит, подобно библейским пяти хлебам (или сколько их там было?), эта каша насыщает с пяти ложек. Но каким образом? Я спросил об этом Хоба.

- Впрочем, да, есть один секрет, - хитро улыбнулся он. – Но это страшная военная тайна! Открыта моими предшественниками, и с тех пор передается из поколения в поколение... Э-э, хотя поколений у нас сменилось не так уж много. Ну ладно – от повара к повару. Ты, наверное, слышал в вашем мире о таких синтетических брусочках, похожих на мыло, которые вкладывают в набор для выживания? В них содержится смесь каких-то свехрпитательных белков. Тут тоже самое, с той лишь разницей, что ингредиенты обнаружены под ногами, а вкус получается не такой дрянной, как у тех брусков.

- Даже более чем не дрянной! Я бы сказал, это вкусно.

- Честно говоря, во многом благодаря этому изобретению мы до сих пор живы. – Хоб посерьезнел. – За счет удвоения питательности нам удастся обойтись вдвое меньшим количеством обычной еды.

По мере того, как садилось солнце и поспевала каша, с огородов подтягивались работники. Одни сразу усаживались вокруг костра, другие сперва шли в дом. Я впервые увидел вблизи нескольких сабинянских ребятишек. Одеты они были также, как взрослые, и вели себя похожим образом: во всяком случае, никакого гомона и гвалта, обычного для скопления детей, я не услышал. Чинно усевшись у огня, они переговаривались своими едва слышными свистяще-шипящими звуками. А вот стариков здесь не было: насколько я мог судить, возраст огородников не превышал сорока лет.

Постепенно заполнились все скамьи. Многие принесли из дома теплые покрывала, в которые закутались полностью, укрыв даже голову, сделавшись похожими на изображения святых со старых полотен. В отличие от повседневной одежды, на этих покрывалах нашлось место цветам и рисункам. Видимо, краски на них не так быстро линяли. Похоже, это была шерсть; у кого-то тканая, у кого-то – вязаная, и вязальщики не пожалели сил на орнаменты. Освещенные костром лица людей в этих покрывалах – что женщин, что мужчин – стали очень красивы. Очевидно, они успели умыться в ручье после работы, а вдобавок отдых, тепло огня и предвкушение скорой еды способствовали появлению умиротворенных улыбок. Но, повторю, они вели себя необычайно тихо – не только дети, но и взрослые. Молодых тут было большинство, и в нашем мире такая концентрация юношеской энергии превратила бы любые вечерние посиделки в шумный парад самоутверждений. Но эти люди беседовали с таким выражением лиц, словно они собрались на научную конференцию и обстоятельно обсуждают какой-то сверхсложный предмет. Разговоры велись по группам (тематические семинары на конференции, подумал я). Среди них были и наши экскурсанты. Вот Тим и Йоки: похоже, полдня совместной работы помогли им полностью освоиться, и я даже не сразу заметил их в сумерках. К тому же, новые знакомые дали им теплые покрывала. Йоки о чем-то увлеченно разговаривает со своими соседями и, судя по тому, как неловко кривятся ее губы, она пытается повторять слова сабинянского языка. Голос Ченга я узнаю, даже не видя его: как не старается он говорить приглушенно, в тон со всеми, но привычка выступать с речами и тут не оставляет его. Начав расспрашивать соседей о секретах ведения сельского хозяйства, он в основном говорит сам. Но его собеседников (среди них и та женщина с картофельного поля), это, кажется, не слишком утомляет. Или они не показывают вида, мужественно решив исполнять повинность гостеприимства до конца. Рядом сидит Мария. Она уже подходила ко мне и в большом воодушевлении сообщила, что совершенно счастлива: никогда, никогда она не чувствовала такого удовлетворения от труда, как сегодня, и эти несколько часов были самыми осмысленными в ее жизни. Я искренне порадовался за нее. Самому мне редко когда удавалось отдаться чувству счастья полностью, изгнав свербящего червя сомнения... О, и Марк здесь! Оказывается, он не сидел на месте, а уже перезнакомился со всеми. Но, судя по слишком чистым ногтям, в огороде он не работал. Несложно догадаться, чем он занимался. Вот он показывает свой блокнот двум соседкам, они тычут на что-то пальцами и смеются: похоже, узнают в рисунках себя и своих товарищей.

Наконец, пришла пора ужина. Хоб расставил на маленьком столике перед собой крошечные мисочки. Я очень удивился: они были гораздо меньше тех, из которых мы ели днем. Если те были размером с кошачьи, то эти были не больше пудреницы. В нашем мире в такие наливали бы в лучшем случае соус. Видимо, наши миски были «гостевыми» и использовались, чтоб не пугать новичков сразу. Мисочки хозяев были искусно вырезаны из дерева, и каждая имела довольно высокую подставку, так что их можно было держать, как рюмки. Сбоку на специальный крючок подвешивалась миниатюрная ложечка. Хоб с помощью маленького черпачка (размером с обычную столовую ложку) накладывал в каждую из котла густое варево темно-бурого цвета. Поставив несколько полных мисок на свой поднос (Хоб назначил меня помощником по раздаче еды), я подходил по очереди к каждой группе ожидающих. Они разбирали миски – отнюдь не жадно, а спокойно и неторопливо – и я шел за следующими.

Несмотря на то, что люди работали целый день и должны были проголодаться, они ели чрезвычайно медленно, набирая лишь краешек ложки. Зато у моих коллег, которые еще не сталкивались со здешними объемами, мисочки вызвали недоумение. Ченг даже предположил, что это лишь «аперитив», и основное блюдо будет следом. Я, как мог, объяснил, что к чему. Ченг недоверчиво сунул в рот ложку «с горкой» и умолк, старательно пережевывая. Это ненадолго освободило его соседей от обязанности выслушивать его восторженные тирады; я втихомолку за них порадовался. Наконец, частично проглотив вязкую массу, Ченг сумел выговорить, что каша, пожалуй, сытненькая, и стал оглядываться в поисках питья.

Тем временем Хоб вынес из своего закулисья конструкцию, удивительно похожую на подставку с химическими пробирками. Собственно, это она и была, только не пластиковая, а деревянная, а пробирки были наполнены какой-то чуть зеленоватой жидкостью, о которой шел пар. Видимо, я отвлекся и не заметил, как он наполнил пробирки. Как раз перед этим он помешивал другой котел, в котором варились какие-то травы. Я снова принялся обходить скамьи, держа поставец в руках. Сотрапезники вытаскивали себе каждый по пробирке, после чего принимались отпивать из них маленькими глоточками.

- Горячительное зелье, а? – подмигнул нам Ержи.

- Скорее лекарственное. Попробуй сам, - Хоб протянул ему пробирку.

Я тоже попробовал. Жидкость, конечно, не имела ничего общего с алкоголем (как и табак, он в Сабинянии считается ядом и запрещен), но вкус был очень сильный и резкий. Да, похоже на какое-то лекарство. Я был уверен, что после такой густой каши мне потребуется штук десять пробирок этого отвара, но, к моему удивлению, уже с двух-трех маленьких глотков я совершенно утолил жажду. Кашу я попробовал лишь на кончик языка, попросив у Хоба лизнуть его черпак: после недавнего сытного обеда мне совершенно не хотелось есть. Удобно устроившись на куче из мешков, я стал потягивать горячую жидкость. Прямо надо мной виднелся небольшой просвет в натянутых внахлест тентах, и в нем уже высыпали звезды. Запрокинув голову, я любовался ими, а заодно пытался вслушиваться в шелестящие беседы у костра. Я задумался, счастлив ли я, как Мария? Безусловно, должен быть счастлив, ведь я столько лет об этом мечтал. Эти люди приняли меня, особенно Хоб. Они все милы с нами, хотя мы им совершенно не нужны. Конечно, я счастлив, иначе и быть не может! Жидкость из пробирки приятно согревала, и язык постепенно привыкал к горьковатому вкусу. Мелькнула мысль, что кто-нибудь (конечно же, не я, а какой-нибудь въедливый журналист) наверняка усмотрел бы связь между нею и необыкновенным стоицизмом сабинян. Не есть ли это тот самый коварный наркотик, который держит все население в повиновении?

- Кстати, в продолжение нашего разговора, - начал Хоб без предисловий, усаживаясь рядом со мной, - а не порассуждать ли нам о том, как наши жрецы подсаживают население на наркотики в виде каши и питья? По-моему, это плодотворнейший сюжет. Вы не находите?

Я удивленно повернулся к нему. Хотя, пожалуй, пора уж отвыкнуть удивляться... Но бог мой, ведь он буквально прочитал мои мысли!

- Э-э, все может быть, - нерешительно ответил я. – Но наркотики, как известно, отбирают здоровье, а ваши люди выглядят более чем дееспособными. Да и на отупевших зомби они не похожи. Нет, жрецы не так просты: у них есть какой-то другой способ управлять людьми.

Мы помолчали, глядя на звезды. Вдруг я вспомнил то, о чем хотел спросить уже давно.

- Вы случайно не знаете Тошука? Мне показалось, что я видел у него ваш портрет.

- Тошука? Конечно.

Я замешкался, не зная, как продолжить.

- Э-э.. А вы не знаете, где он? Когда мы спускались сюда, он вдруг внезапно исчез. Как будто бы ушел в лес вместе с солдатами. Куда-то вверх по склону.

- У него есть дела, - задумчиво ответил Хоб и, взглянув на меня, продолжил: - Только не подумай, что я драматично о чем-то умалчиваю. Я, вообще-то, и сам могу только догадываться, а передавать непроверенные догадки не хочу. Но я уверен, что, когда он покончит с делами, вы с ним увидите.

- Просто мы удивились, что он никого не предупредил, - осмелился я пожаловаться. - Это было так странно. Он был как бы гидом нашей группы, к нему все привыкли... Получается, он вроде как бросил нас, - я виновато улыбался, чувствуя, что говорю ерунду. - Я, конечно, ничего не имею против... У нас все-таки не платная туристическая группа, он нам ничего не должен. Но вот другие...

Хоб насмешливо на меня посмотрел:

- Вероятно, он потому и ушел незаметно, чтобы избежать расспросов от вот этих самых других. Раз даже ты, который ничего не имеет против, задаешь столько вопросов, то чего уж ждать от других!

Я покраснел и опустил голову.

- Дело в том, что без него я чувствую себя немного не в своей тарелке. Вот разве что вы - я робко посмотрел на Хоба - на него похожи. Все остальные очень добры с нами, но, как бы это сказать... им нет до нас никакого дела. Словно они - жители другой планеты. Я понимаю, что они и не должны любезничать с нами, как прислуга в отеле. Это мы напрашивались попасть сюда, а не они нас зазывали...

Я сбился с толку и никак не мог нащупать нужную мысль. Тогда я решил спросить немного о другом.

- Я вот чего не могу понять. Как вы... то есть они... то есть вы все, сабиняне - как вам удастся властвовать над своими чувствами? Все, кого мы здесь встретили, как будто вообще не испытывают сильных эмоций. В лучшем случае они смотрят на свои чувства как бы стороны, беспристрастным оценивающим взглядом. Здесь нет безнадежно влюбленных, смертельно тоскующих, глубоко разочарованных. Здесь все разумны... ужасающе разумны.

- Как автоматы? - спросил Хоб. - Страна роботов, верно?

- Да, верно, - вздохнул я. - Вот и вы. Вы все понимаете, все знаете. Но... мне кажется, что вы не чувствуете... Простите меня за этот вздор, но я не знал, как выразиться точнее.

Хоб перестал улыбаться.

- Тут действительно сложное дело, - сказал он тоном воспитателя в детском саду. - Тебе кажется, что я и другие ничего не чувствуем, а мне, например, кажется, что чувствуем. Как тебе это доказать - даже не знаю. Может, ты просто мало нас знаешь? Ты сколько у нас? Меньше суток? Тогда не переживай. У тебя еще есть шанс!

- Простите за мои глупости, - поспешно сказал я, вставая. - Чем я могу вам помочь?

Хоб кивнул.

- Дел куча. Перемыть миски, котлы, остальную посуду, а потом засыпать в большой котел крупу на завтра - пусть размокает на углях.

Я радостно кинулся к котлам. Вылив в самый большой из них немного воды из бочки, я принялся скрести пригревшую кашу. Через некоторое время, заметив издали мою возню, подошла Йоки.

- Давай помогу. Терка есть, или что-то в этом роде? ...Ты прав, это лучше делать железным предметом. Ух ты, как пригорело! ...Знаешь, я здесь словно заново родилась! Вроде бы я все это представляла себе заранее, но стать частью этого - совсем другое дело. Полей-ка сюда воды... Вот так. Я всю жизнь кичилась своей - как бы сказать - отличностью от других. Ну, в том смысле, что все они - офисный планктон, жалкие потребители и посетители торговых центров, а я, понимаешь ли, образец духовности. Наверное, все так считают, каждый. Но теперь я вижу, что я была просто безликим винтиком в этой многомиллиардной армии... А этот котел будем мыть?

- Да, убежденность в своей исключительности - тоже одна из черт представителей нашей культуры, - сказал я, задыхаясь от усилий по отскребанию пригара. - А также - снисходительный интерес к представителям других культур, как к смышленным детям...

- Но теперь, знаешь, у меня все по-другому. - Йоки тщетно пыталась оттереть грязные руки. - Я ощущаю искреннее желание раствориться в этом мире. Забыть себя! Я чувствую, что я на это способна. Со мной уже это происходит!

Я сидел на корточках и наблюдал, как Йоки ловко ополаскивает мисочки в свете масляной лампы.

- Думаю, у тебя получится, - вздохнул я. - Лишний раз убеждаюсь, что жрецы не ошибаются в выборе экскурсантов.

Йоки взглянула на меня с кокетливой улыбкой и продолжила свое занятие. Тем временем Марино вернулся к своему посту около чурки - видимо, решил наколоть дров на завтрак.

- Мы с Тимом подружился с несколькими замечательными людьми, - продолжала Йоки. - Одного зовут Тэнбр - ой, боюсь неправильно произнести. А еще Сэн - это девушка, то есть женщина, у нее уже двое сыновей - и Дж. Вот именно так - Дж. Его имя произнести труднее всего. Он самый старший из них, ему тридцать пять.

- А кто из них муж Сэн?

- Его здесь нет. Он на другом виде работ, в дальнем конце страны. - Йоки махнула рукой в неопределенном направлении. - Впрочем, при здешних размерах страны - сам понимаешь. О, я знаю, что ты скажешь - что у них отняли свободу быть вместе, что они проданы в рабство на разные плантации, что тут совсем как в полпотовской Кампучии...

- Не помню, чтоб я говорил именно это, - машинально вымолвил я. - Про плантации - определенно из кого-то другого. Впрочем, неважно. Ну, и? На самом деле все по-другому?

- Понимаешь, они не ощущают себя в рабстве, вот что самое главное! Они знают, что их труд -

общая необходимость. Там, где сейчас работает ее муж, нужно много сильных рук. Здесь справятся и женщины, а вот там... Я точно не скажу, но, кажется, они там ловят в море рыбу. Может, они как раз с того стойбища, откуда были те люди, с которыми мы шли вместе по тропе? Я не поняла. Ну, вобщем, его отправили туда, а ее – сюда. Зато тут много свежих овощей, а это полезно для детей. Они очень любят друг друга и все время друг о друге думают. И знаешь, как они бывают счастливы, когда встречаются! Думаю, это такой взрыв чувств, как бывает в первый раз. Представляешь – каждый раз, как в первый? Много ли людей в нашем мире могут о таком мечтать?

- Да, конечно. Разлука подогревает чувства. Когда люди ограничивают выпуск эмоций, они накапливаются, и потом получается взрыв. Если жрецы это специально устроили, то идея хорошая. А у остальных мужья и жены тоже где-то далеко?

- Видимо, да, но я их подробно не расспрашивала.

С котлами и масляной лампой мы сходили к ручью, где все как следует выполоскали. Там нас разыскала одна из женских фигур в покрывале – эти библейские одеяния делали их похожими друг на друга – и оказалось, что та самая Сэн, которая вдохновила нас на беседу о любви. Лампа, которую она держала в руке, высветил очень миловидное итальянское лицо с темными глазами и веселыми черными кудряшками – они выбивались из-под покрывала. Положив руку на плечо Йоки, как старая знакомая, она произнесла что-то по-немецки или по-голландски – я не разобрал. Выходит, Йоки происходит откуда-то из зоны германо-скандинавских языков. Надо же, ни за что бы не подумал. Во всяком случае, для немки она очень живая и... чересчур симпатичная.

Обменявшись несколькими фразами с Йоки, Сэн обратилась ко мне на моем языке:

- Должно быть, вы устали. Предлагаю пойти спать. Я покажу, где вам устроиться. Не беспокойтесь, с мытьем мы сами закончим, – улыбнулась она.

За день я уже достаточно понаблюдая местных полиглотов, однако невольно снова вздрогнул. Впрочем, слушать родную речь было приятно. Взяв свою лампу, мы двинулись за Сэн к дому. В темноте он казался бесформенным соединением жердей, шкур и холстины. Подойдя вплотную, я обнаружил, что у него было очень много входов. Они располагались почти через каждые два метра и имели различную архитектуру: либо это были вполне привычные дверные рамы, обтянутые шкурами или тряпками (разве что меньше раза в два, и для попадания внутрь нужно было на полметра поднимать ногу), либо представляли из себя просто отверстия, закрытые пологом или «трубой» из ткани, стянутой шнурами наподобие колбасных хвостиков.

Сэн подвела нас к месту в холщовой стене, где я уж никак не заподозрил бы существования двери. Но она подняла полог, и за ним оказался проход в большую темную нору, освещенную где-то в глубине.

- Вам сюда, – гостеприимно сказала она. – Йоки мы положим в женскую половину. ...Отхожее место – вон там, за большим вязом. Сейчас его не видно, но туда тропинка ведет.

Я поблагодарил, и девушки удалились. Расположение мужского отхожего места я уже неплохо изучил при свете дня, только ходил я туда по другой тропинке. Решив сразу сделать все необходимые приготовления перед сном, я направился прямо к вязу. Выглядело оно более чем буднично и состояло из двух «отсеков»: деревянной будочки для самых интимных отправок и ямы продолговатой формы, около которой можно было справлять нужду коллективно. Я надеялся, что в такой час смогу рассчитывать на одиночество, но нет: не успел я застегнуть

штаны, как из леса – со стороны, противоположной дому и огородам – слышался шорох веток. Я подумал было, не стоит ли мне испугаться появлению дикого зверя, однако вслед за шорохом раздались человеческие шаги, и в круг света моей лампы вошел Ержи. Учащенное дыхание и солоноватый запах табачного перегара безошибочно показывали, чем он занимался в лесу. Я укоризненно покачал головой, но, очевидно, в темноте это было не слишком заметно.

- Ты нарушаешь правила, - сказал я. - Дело, конечно, твое, но...

- Знаю, знаю, - отмахнулся Ержи, расстегивая ширинку. - Но есть правила разумные, а есть – абсурдные. Кому я мешаю? Никто из них и не догадается, что я немного покурил в лесу. Окурки я закопал, так что мусора не оставил...

- Но ведь ты согласился с условиями поездки, в том числе абсурдными. Зачем же соглашался?

- Сам знаешь, зачем – мне было любопытно сюда попасть. Но исполнять идиотские запреты ради принципа я не буду. Я пока не готов бросить курить. Я никому не мешаю, не оскорбляю ничьих чувств. Я наношу вред только себе. А кому до этого есть дело?

Я придерживался иного мнения по данному вопросу, но высказать его не удалось: Ержи застегнулся и быстро зашагал к дому, даже не дождавшись моей лампы. Я вздохнул и поплелся следом. У самой «стены» Ержи замешкался – видимо, не мог найти место входа. Я и сам не сразу определил, за какой складкой холщовой поверхности находится нужная дыра. Наконец, мы ее разыскали. В соседние отверстия тоже влезали люди, но почти не производили при этом звуков. Проникнув внутрь, моя лампа осветила небольшое пространство, размером примерно два на два метра, ограниченное висячими холщовыми перегородками до земли. Судя по слабым шорохам, доносившимся из-за них, и блуждающим кое-где световым пятнам, такие же «комнаты» окружали нас справа и слева. За перегородкой, висящей напротив входа, время от времени слышались осторожные шаги босых ног и проплывали золотистые круги от ламп. Видимо, там проходил коридор между рядами спальных отсеков. Сколько всего было этих рядов и сколько, соответственно, коридоров пролегало между ними, сложно было представить: у меня были очень туманные представления о конфигурации этого странного жилища. Самое близкое сравнение, которое приходило в голову – это отделенные занавесками «боксы» в старинных больницах. Во всяком случае, так их показывают в исторических фильмах. Там по коридорам неслышно бродили монашенки-сестры милосердия. Здесь неслышно бродили жильцы, и я лишний раз подивился сабинянской железной дисциплине. В нашем мире трудно было бы надеяться, чтобы в огромной многокомнатной палатке на пятьдесят человек все бы так трепетно уважали сон друг друга. Но люди ступали мягко, как кошки, почти не переговаривались и старались как можно скорее занять свои места. Иногда свет ламп обозначал тени в длинных покрывалах, и я опять вспомнил о старой живописи. На сей раз о Рембрандте.

Взглянув на пол, я увидел, что почти все пространство пола занимали тряпичные тьюфики, набитые, видимо, сухой травой. В углу возвышались стопка уже знакомых узорчатых покрывал, а еще лежали довольно толстые шерстяные одеяла. Выбрав несколько предметов, мы быстро соорудили себе каждый по уютному гнездышку. Я положил под голову собственную кофту. Ержи скатал подушку из покрывала. Мы расположились по обеим сторонам «бокса»: посередине оставалось пространство, которого хватило бы еще на одно лежащее место.

- Скорее всего, еще кого-нибудь поделят, - шепотом сказал Ержи. - Вряд ли они могут позволить себе такую роскошь, как комфорт.

Я задул лампу и лег на спину. В темноте блуждающие световые всполохи за занавесками стали

заметнее. Они двигались беззвучно, как в немом кино.

- Как роботы, - заметил Ержи. - Делают только то, что правильно и разумно. Даже не по себе становятся.

Хотя я сам давеча высказывал Хобу те же самые мысли, сейчас я счел своим долгом возразить.

- Зато у нас все делают, что хотят. В таких условиях нам бы точно спокойно поспать не дали, - шепотом сказал я. - Пришлось бы взывать о помощи к коменданту общежития или к проводнику вагона. А тут - каждый сам себе комендант. Честный и справедливый. Что в данном случае неплохо.

- В данном - пожалуй, да. Но в остальных случаях - как-то странно.

Мимо по коридору быстро, хотя и столь же тихо, пробежала угловатая тень с какими-то отростками на голове. Едва я успел подумать, кто это может быть, как тень вернулась назад, отогнула край занавески, и - я даже не догадывался, что там тоже был проход - внутрь просунулась голова Треххвостого, освещенная снизу лампой. От этого его лицо приобрело зловещий вид. Но он сразу широко улыбнулся и прошептал:

- Добрый вечер. Надеюсь, я вас не слишком потревожу, если устроюсь тут?

Мы принялись суетливо сдвигаться, хотя места и так хватало. Ержи стал было разматывать свою импровизированную подушку, чтобы отдать Треххвостому покрывало, но тот остановил его движением руки.

- Нет, не надо. Мне удобно так. - Он задул лампу, поставил ее у изголовья и безо всяких приготовлений растянулся между нами, заложив руку под голову. - Я вообще-то думал поспать у костра, но, признаться, мошкара заела. Вот я и не выдержал.

Я успел заметить, что его ноги, оголенные выше колен, были мокрыми. Видимо, он успел искупаться в ручье. Однако, несмотря на то, что было уже весьма прохладно, он и не думал укрываться.

- Истязаете плоть? В смысле, тренируете волю? - шутливо спросил Ержи.

Треххвостый повернулся к нему, задумался, а затем рассмеялся.

- Ну да, пытаюсь вырастить из себя супермена. Пока получается не очень. Вот, например, хвосты придется распустить, а то лежать неудобно. - С этими словами он принялся развязывать шнурки, которые удерживали его хвосты в гордо-приподнятом положении.

- Может, прикроетесь? - предложил Ержи. - Будет теплей. А завтра с самого утра продолжите суровые испытания.

- Нет, не могу. Пострадает моя самооценка. Сами понимаете, она для меня - все. Так что придется всю ночь терпеть.

В темноте блеснули его обнажившиеся в улыбке зубы.

- Мы никому не скажем, - не унимался Ержи. - Подтвердим, что вы всю ночь честно самоистязались.

Наш собеседник, видимо, тоже был не прочь пошутить перед сном.

- А как же мой ранг в нашем мужском микросоциуме? Я же должен ежесекундно подтверждать свое доминантное положение. Демонстрировать, так сказать, превосходство традиционного мужчины-воина перед изнеженными представителями менеджерской цивилизации... Э-э, надеюсь, мне это удастся?

Мы чуть было не нарушили покой соседей громким хохотом. Но, по счастью, все втроем успели вовремя закрыть рты ладонями.

- Вы так неожиданно ушли и неожиданно вернулись, - сказал я чуть погодя. - Конечно, я не смею спрашивать, где вы были, но... с вами ушел наш Тошук. Он тоже вернулся? Он здесь?

- Нет, Тошук пока не мог вернуться. - Треххвостый сразу посерьезнел. - У него есть дела. Пришли мы с Гором. - Сначала он произнес это имя почти без гласных, но сразу повторил, сделав более удобопроизносимым для нас. - С утра поможем немного на огородах, а потом двинемся назад к морю. Там рыбакам тоже помощь нужна.

- Ого, да вы носитесь туда-сюда, как челнок, - сказал Ержи. - Интересно, сколько километров за день пробегаете?

Он не ответил, и тогда робко спросил я:

- А нам, чтобы встретиться с Тошуком, лучше пойти с вами или остаться здесь?

- Как хотите. Тошук пока занят, так что время у вас есть, можете сходить с нами. Вы же хотели посмотреть всю Сабинянию, верно? Вот и посмотрите, как организована наша традиционная примитивная рыбалка!

Ночь сгустилась, и я уже не видел его лица, но прекрасно представлял, как в этот момент оно осветилось его коронной лучезарной улыбкой. Ну надо же, подумал я, я и не заметил, как куда-то напросился! Если бы я следил за своими словами, то никогда бы не решился сделать это так запросто. Что ж, вот и славно.

Ержи хотел еще что-то сказать, но Треххвостый (правда, сейчас он уже был без хвостов) остановил его легким щелчком пальцами.

- Друзья мои, у нас отбой. Понимаю ваше воодушевление, но мои товарищи ради максимально точной реконструкции традиционного производства работают от зари до зари. Так что ночью у нас полная тишина. Завтра всю обсудим, ок?

Ержи хмыкнул, но промолчал.

<http://tl.rulate.ru/book/60095/1556640>